

Пролог

Кажется, я умираю.

По крайней мере, вся жизнь проносится у меня перед глазами.

Мое самое раннее воспоминание: зима, начало восьмидесятых. На мне варежки, уродская вязаная шапочка и красное пальто на пару размеров больше, чем нужно. Мама катает меня по двору на голубых пластиковых санках. Улыбка примерзла к ее лицу. Помню свои оледеневшие пальцы, санки, подпрыгивающие на каждой кочке, хруст снега под мамиными сапогами...

Первый день в школе. Я размахиваю коричневым кожаным портфелем; в пластиковом окошке — карточка с моим именем: «ЭММЕЛИНА». Темно-голубой гольф сполз к щиколотке, волосы собраны в два хвостика, чуть-чуть разных по длине.

Нам с Полли двенадцать лет. Я у нее в гостях с ночевкой. Мы в клетчатых пижамах, с косметическими масками на лицах, ждем, пока в микроволновке разогреется попкорн. Мы, чуть постарше, собираемся на вечеринку в честь Хэллоуина, где я впервые поцелуюсь с мальчиком: Полли в костюме тыквы, я — Женщина-кошка. Снова мы, в джинсах и «Док Мартенсах», жарким летним днем отдыхаем на скошенном поле. В платьях в полоску и бархотках собираемся на выпускной бал.

Воспоминания мелькают, словно слайды. Не могу припомнить ни одного мало-мальски значимого события своей подростковой жизни без нескладной, неловкой Полли с вечной смущенной улыбкой.

Как же это грустно...

Студенческие годы пролетели, как в бреду. Работа. Вечеринки. Пабы. Пикники.

Честно говоря, период с двадцати пяти до тридцати лет тоже малость смазался. Однако есть вещи, которые я никогда не забуду.

Мы с Дэном в фотобудке. Это наше третье или четвертое свидание. Я обнимаю его за плечи. Он невероятно красив. Мы до нелепого юны и по уши влюблены друг в друга.

Наша свадьба. Я подмигиваю подружке за кадром, пока мы произносим брачные клятвы. Дэн с серьезным лицом надевает кольцо мне на палец.

Наш медовый месяц. Мы на Бали, обалдевшие от жары и обгоревшие на солнце, кайфуем в пляжном баре и любимся закатом.

Трудно поверить, что мы были так молоды, счастливы и невинны.

Момент, когда на свет появилась Коко, отчаянно вопящая, белесая и скользкая. Ее сморщенное личико навсегда запечатлелось в моей памяти.

Хохочущая Коко, вся обсыпанная конфетти, встречает четвертый день рождения.

Мой сын, Медвежонок, двух недель от роду, слишком маленький даже для крошечной пижамки, дремлет на руках у счастливой сестры.

Только теперь до меня доходит, что образы, которые я вижу, — не настоящие воспоминания, а фотоснимки. Дни и годы спрессовались в статичные изображения.

Этих фрагментов, этих стоп-кадров, становится больше. Они все быстрее мелькают у меня перед глазами.

Медвежонок плачет в коляске.

Разбитый стакан на кухонном полу.

Моя дочь свернулась калачиком на больничной койке.

Статья на первой полосе газеты.

Я пытаюсь проснуться, открыть глаза, но не могу — веки будто налились свинцом.

Мне горько не оттого, что я умираю, а оттого, что больше никого из них не увижу, не смогу сказать то, что хотела. Дэну — «я тебя люблю». Маме — «я тебя прощаю». Полли — «надеюсь, ты меня простишь». Медвежонку... Коко...

Меня накрывает ужасное предчувствие.

Кажется, во всем виновата я.

За шесть недель до этого

Глава 1

Эмми

Я не собиралась становиться инстамамой. Долгое время я вообще сомневалась, что хочу быть матерью, однако, как говорится, человек предполагает, а бог располагает.

Сейчас моя жизнь состоит из мокрых сосков и цепких кулачков, я уверенно и профессионально подтираю попки двум щекастым спиногрызам, но если отмотать на пять лет назад, меня можно было назвать настоящей модницей. Не обращайтесь внимания на дергающийся глаз; представьте вместо растрепанного лоснящегося пучка роскошную укладку, вместо небрежного мазка помады — аккуратный ярко-алый контур. Добавьте эффектные серьги, на которых теперь моя трехлетняя дочь подтягивается, испытывая мамины уши на прочность, узкие джинсы, шелковую блузку из «Эквипмент» и — вуаля! — готово.

Я работала редактором модного журнала. Еще будучи прыщавой, кривоzubой, толстозадаю школьницей, я мечтала об этой работе и ни о чем другом даже думать не желала. Полли тому свидетель — милая, многострадальная Полли; счастье, что она до сих пор со мной общается, после того как я часами заставляла ее изображать фотографа на моих фотосессиях, ковылять по палисаднику в маминых туфлях на шпильках или целыми днями делать собственный модный

.....

журнал с помощью пожелтевших вырезок из «Дейли мейл» и клеящего карандаша (разумеется, редактором была я, и только я).

Как же я докатилась до жизни такой, спросите вы. В иные времена — например, вытирая попу грудничку или готовя очередную порцию овощной бурды — я спрашиваю себя о том же. Кажется, все произошло мгновенно. Вот я в платье от «Фенди» сижу в первом ряду на Миланской неделе моды, а потом — бац! — в растянутых трениках пытаюсь удержать годовасика от разгрома бакалейного отдела в «Сэйнсбери».

Скажу вам честно, мое превращение из знатока моды в обалдевшую мамашу можно считать удачным стечением обстоятельств. Люди стали терять интерес к глянцевым журналам, читательская аудитория сократилась, бюджеты тоже. В результате, только я начала подниматься по карьерной лестнице, как ее буквально вышибли у меня из-под ног, а в довершение всего я узнала, что беременна.

Проклятый интернет, подумала я, из-за тебя я лишилась карьеры — зато теперь благодаря тебе построю ее заново вокруг материнства.

Так я занялась блогингом и влогингом. Взяла себе ник «Босоножка» — в честь моих любимых босоножек на шпильке. И знаете что? Конечно, чтобы найти свой стиль, пришлось изрядно постараться, зато я поймала нереальный кайф от общения с единомышленницами.

Перемотаем к первым месяцам после родов. За девятьсот тридцать семь часов, что я провела на диване с малышкой Коко, намертво присосавшейся к моим разбухшим грудям, «Айфон» стал для меня единственной связью с внешним миром, а сообщество женщин, с которыми я познакомилась в интернете, — спаса-

тельным кругом. Блогинг и влогинг были моей первой онлайн-любовью, однако от послеродовой депрессии меня уберег «Инстаграм». Каждый комментарий от мамочки, прошедшей через то же, что и я, придавал мне сил, словно дружеское рукопожатие. Именно в «Инстаграме» я встретила родственные души.

Постепенно из моего блога исчезли «лабутены», уступив место маленькому человечку. «Босоножка» превратилась в «ПростоМаму», потому что я — мама, которая рассказывает о мамских буднях с улыбкой, *по-просту*. И уж поверьте, когда пять недель назад на свет явился мой второй рыгающий сверток, Медвежонок, — жизнь стала куда более... интересной. Прокладка для груди, наспех сложенная из салфетки от «Хэппи мила», контрабандный глоток джина на детской площадке, — я покажу вам всю правду без прикрас (разве что слегка присыпанную крошками от чипсов).

По мнению хейтеров, в «Инстаграме» демонстрируется безупречная жизнь — профильтрованная, отутюженная и упакованная в маленькие аккуратные квадратики. Да кто будет заморачиваться такой ерундой, если под рукой есть вечно перемазанный в кетчупе спиногрыз-энерджайзер? Но когда в онлайн и офлайн случается тотальный перегруз, когда телефон задымился, еда подгорела, а мозг вскипел, я вспоминаю, что занимаюсь этим ради семьи. А еще ради легиона инстамамочек, которые всегда меня поддерживают, невзирая на то, что на мне уже несколько дней один и тот же бюстгальтер для кормления.

Именно для вас я начала кампанию #серыебудни. Мы делимся историями из жизни и организуем встречи в офлайне, где обсуждаем способы борьбы с депрессией. Особо хочу отметить — часть прибыли от про-

даже фирменной продукции #серыебудни идет на то, чтобы привлечь внимание к теме душевного здоровья молодых матерей.

Если бы меня попросили доступно объяснить, чем я занимаюсь, я назвала бы себя, не побоюсь этого слова, многопрофильной мамой. Такое определение, несомненно, вгонит в ступор нашу пожилую соседку Джойс. Она понимает, чем занимается наш ПростоПапа, — пишет романы. А кто я? «Инфлюэнсер» звучит страшновато. Чирлидер? Идеальный вдохновитель? Да какая разница? Я просто делаю свое дело, делюсь семейной жизнью без прикрас и, смею надеяться, способую более осознанному обсуждению проблем материнства и воспитания детей.

Я построила свой бренд на честности и буду придерживаться этого принципа, что бы ни случилось.

Дэн

Брехня.

Брехнябрехнябрехнябрехнябрехня.

Я столько раз слышал, как Эмми произносит эту речь, что уже не замечаю, какую дикую мешанину из выдумок, натяжек и умолчаний она городит. Пропускаю мимо ушей абсолютно недостоверное, но крайне правдоподобное описание событий, которые могли произойти (но не произошли), которые действительно произошли (но все было не так) и которые мы с ней запомнили совершенно по-разному (и это еще мягко сказано). Однако сегодня все иначе. По необъяснимой причине этим вечером, когда Эмми рассказывает аудитории свою историю — в значительной степени *нашу общую* историю, — я внимательно сле-

жу за всеми искажениями, преувеличениями и подтасовками фактов.

Через три минуты бросаю это дело.

На всякий случай хочу пояснить: я вовсе не называю свою жену лгуньей.

Американский философ Гарри Гордон Франкфурт остроумно разделяет ложь и брехню. Ложь, пишет он, есть неправда, намеренно нацеленная на введение в заблуждение. Брехня же получается, когда говорящему нет дела до того, что его слова не соответствуют действительности. Пример: моя жена никогда не сворачивала прокладку для груди из салфетки от «Хэппи мила». Подозреваю, она и «Хэппи мил» ни разу не брала. У нас нет соседки по имени Джойс. Если верить школьным фотографиям, хранящимся у моей тещи, Эмми была худенькой и симпатичной девушкой.

Наверное, в каждом браке наступает момент, когда один из супругов начинает прилюдно опровергать истории из жизни, которые рассказывает его вторая половина.

А может, я просто сегодня не в духе.

Надо отдать моей жене должное: она — настоящий мастер своего дела. Кроме шуток. Я сотни раз видел, как Эмми брешет без зазрения совести — на мероприятиях вроде этого, в сельских клубах, книжных магазинах, кофейнях и коворкингах от Уэйкфилда до Уэстфилда, — но, даже зная, что подавляющая часть того, о чем она вещает, имеет лишь отдаленное отношение к реальности, не могу не восторгаться ее талантом общаться с людьми: удерживать внимание, вызывать понимающие смешки. Когда она рассказывает о контрабандном глотке джина, женщина на заднем ряду

буквально завывает от восторга. Моя жена умеет располагать к себе людей. Она им нравится.

Ее агент будет довольна: ей удалось вернуть фразу про серые будни. Виноват, #серыебудни. Я заметил в зале минимум трех человек в фирменных синих свитшотах: сзади — логотип «ПростоМама» и #серыебудни, спереди — надпись «Просто улыбнись». Кстати, логотип выглядит так: женские груди, а между ними — головка младенца. Лично я выбрал медведицу с медвежонком, но мое предложение было отвергнуто. Отчасти поэтому я делаю все, чтобы не надевать свитшот, когда прихожу на подобные сборища, — якобы случайно забываю дома, в другой сумке, в стиральной машине, на вешалке, бог знает где, нужное подчеркнуть. Всякий раз какая-нибудь восторженная подписчица просит совместное фото на память и тут же постит его в «Инстаграме», а я не хочу остаться в интернет-вечности в джемпере с сиськами.

Все-таки у меня тоже есть достоинство.

Сегодня я присутствую здесь исключительно в качестве разнорабочего. Выгружаю из такси коробки с мамским мерчем, помогаю распаковывать и стараюсь не кривиться, когда слышу выражения вроде «мамский мерч». Наливаю шампанское, разношу капкейки. Выручаю Эмми, если к ней подходит какая-нибудь неадекватная фанатка или ее втягивают в чересчур долгий разговор. Стоит ребенку заплакать, и я поднимаюсь на сцену, осторожно забираю его у Эмми и укачиваю. Впрочем, сегодня Медвежонок ведет себя идеально: наш славный мальчик пяти недель от роду безмятежно сосет грудь, не подозревая, что находится на сцене перед толпой чужих людей. Иногда у Эмми интересуются, не повлияло ли рождение второго ре-

бенка на нашу семейную жизнь и как нам удастся сохранить свежесть отношений; тогда она со смехом вызывает меня из зала, чтобы я помог ей ответить на вопрос. Когда ее спрашивают об онлайн-безопасности, она доверяет мне изложить три золотых правила, которыми мы руководствуемся, размещая семейные фотографии в интернете. Первое: никогда не показываем детали, благодаря которым можно вычислить, где мы живем. Второе: никогда не выкладываем снимки детей в ванной, обнаженными или на горшке; не фотографируем Коко в купальнике или другой одежде, которая на взрослой женщине выглядела бы сексуально. Третье: внимательно следим за подписчиками и блокируем тех, в ком сомневаемся. Так нам посоветовали эксперты.

Но у меня все равно остаются опасения.

Эмми постоянно рассказывает, как начала вести блог о материнстве, — якобы в попытке выйти в большой мир и узнать, есть ли на свете женщины, проходящие через то же, что и она. Полная чушь. Если вы думаете, будто моя жена завела аккаунт в соцсети случайно, значит, вы совсем ее не знаете. По-моему, Эмми вообще ничего не делает случайно.

Хорошо помню день, когда все началось. Утром она обмолвилась, что в обед у нее деловая встреча, а вечером упомянула, что разговаривала с агентом. На тот момент она была беременна три месяца; всего пару недель назад мы сообщили радостную новость моей маме. «С каким таким агентом?» — спросил я. Мне и в голову не приходило, что у интернет-знаменитостей бывают агенты. Следовало догадаться. Когда Эмми работала в журнале, то регулярно рассказывала, сколько они заплатили какому-нибудь тупому блоге-

ру, чтобы тот накропал пару абзацев, попозировал для фото, или провел мероприятие, или упомянул журнал в своем блоге. Она показывала мне их писанину. Читаешь и думаешь — то ли Альцгеймер у тебя, то ли у того, кто написал эту хрень. Короткие предложения, бессмысленные метафоры, разрозненные мелкие детали, призванные создать впечатление правдоподобности. Неестественно точные цифры (482 чашки остывшего чая, 2342 часа бессонницы, 27 непарных детских носков), слова, значения которых автор не понимает. «Ты тоже мог бы строчить такие тексты, — шутила Эмми. — И зачем ты пишешь романы?» Мы оба смеялись. Когда она вернулась с делового обеда и рассказала, с кем встречалась, я сперва решил, что это тоже шутка. Потребовалось некоторое время, чтобы осмыслить масштаб ее затеи. Мне представлялось так: максимум, что удастся с этого получить, — бесплатную пару обуви. Я и предположить не мог, что Эмми купила доменные имена и зарегистрировала в «Инстаграме» аккаунты «Босоножка» и «ПростоМама» еще до того, как написала первый текст о туфлях на шпильках, не говоря уже о том, что через три года у нее будет миллион подписчиков.

Самый первый совет, данный агентом, — все должно выглядеть органично, словно Эмми начала вести блог по чистой случайности. Думаю, никто из нас не представлял, что у нее так здорово получится.

Поскольку брехня основана на полном отрицании значения правды, профессор Франкфурт считает ее гораздо более опасной и разъедающей социальные устои, чем старая добрая ложь. Кстати сказать, у профессора на порядок меньше подписчиков в «Инстаграме», чем у моей жены.